

Не спалось. Я решил подсчитать, сколько звезд на небе. Я взял бабушкины костяные счеты, увеличительное стекло, фонарик, щеточку для бровей, два подсвечника и вышел во двор. Стал тыкать пальцем в небо и считать звезды. Получилось много, но не больше, чем я предполагал. Я не стал пересчитывать, потому что уже светало.

*Эдуард Берсудский.
Из текстов, сочиненных ночью
во время бессонницы*

Отступление перед началом

Место действия

Сперва поищем сравнение. Должно быть что-то, что вместит страну целиком. Может, это любимая шотландцами клетчатая ткань? Та самая, из которой шьют мужские юбки-килты.

Приглядитесь к этим квадратам, и вы почувствуете ритм. Этот ритм есть и в здешних пейзажах. В перепадах от лесов к холмам и от холмов к полям.

Есть страны, которые, кажется, создавались разными мастерами. Один придумал поля, другой трудился над лесами... В Шотландии чувствуется одна рука. На какие бы расстояния ты ни удалялся, повсюду узнаешь его работу.

Он, творец этих мест, создатель взлетов вверх и опусканий в низины, презирал бытовую логику. Никакой прагматики нет в том, что столько пространства отдано холмам и небу. Иначе говоря, красоте.

Шотландию населяют пять миллионов человек, а это почти столько же, сколько живет в Петербурге. Зато простора тут несравнимо больше. Сразу представляешь прогулки верхом со стоянками на полянах. Или пещеры, где можно спрятаться, чтобы внезапно ошарашить противника.

Вряд ли здешний автор создаст что-то в духе Достоевского. Ну, там, небольшие клетушки, огромные долги, воспаленные глаза... А вот исторические романы (в каждом по несколько королей и немерено мяса на вертеле) тут пишутся легко.

Как получилось, что люди заселили города, но не претендовали на большее? Столько места отдали чистому лицемерию. В 1935 году это положение закрепили в так называемых «Принципах Унна»: известный альпинист Перси Унн купил земли для Национального фонда при условии сохранения их первозданного облика.

Вот чем защищены эти места. Они пребывают вроде как в вечности — сейчас холмы вижу я, но на них же смотрел Вальтер Скотт.

Есть еще одно. Шотландцы наделяют природу едва ли не человеческими качествами. Например, у других народов лес стоит, а у них идет. Так, Бирнамский лес, подстрекаемый ведьмами, двинулся на Макбета.

Почему же памятники стоят на месте?

Странно, что деревья могут идти, а скульптуры — нет. Как было бы хорошо, если бы Вальтер Скотт в Эдинбурге вставал во весь рост, а собака у его ног приветствовала прохожих лаем и поднятыми ушами.

Кстати, и в Питере размышляли об этом. На улице Правды скульптор Дмитрий Каминкер поставил на колеса своего Глашатая. В руках рупор, голова вскинута вверх... Если бы этот Глашатай Правды перемещался, то стал бы бродячим проповедником.

Видно, у тех, от кого это зависит, не хватило энергии, и скульптура стоит как стояла. Впрочем, в любой момент это может произойти. Надо только взяться за ручку, приделанную к платформе, и отправиться в путь.

Прибавим, что в Пушкине во время карнавала нарядили Ленина на Соборной площади. Сколько лет он стоял в своем железном костюме, как вдруг предстал в развевающемся плаще. Рука вытянута вперед, словно он говорит: «Переоденьтесь, товарищи! Смените скучную одежду на красивую и яркую!»

Вряд ли до Глазго дошли вести об этих метаморфозах, но тут тоже поспорили с данностью. Для примера выбрали конный памятник Веллингтону перед Музеем современного искусства. К победителю Наполеона у шотландцев давно есть вопросы: почему ирландец? А если ирландец, то зачем его чествовать далеко от родины?

В наше время эти разговоры воплотились в акцию. Молодые недоброжелатели Веллингтона надели на него дурацкий колпак, вернее полицейский конус. Такие конусы выставляют, когда ограничивают

движение по улице. Сейчас это тоже выглядело как предупреждение: осторожно, маршал! Замедлите шаги и удивитесь!

Оказалось, эта акция навсегда. Так и стоит Веллингтон в полосатом конусе (хорошо, не в полосатой робе!) и развлекает туристов. Ну а местные уже не помнят его другим. Даже на открытках он при всем параде: колпак сползает набок, и это придает ему еще больше лихости.

Конечно, и от Веллингтона хочется чего-то особенного. Вот бы он сам надевал колпак! Это выглядело бы самокритично. К тому же этим жестом он соединял бы разные времена.

К сожалению, герцог стоит как вкопанный. Да и другие монументы не продвинулись. Лишь в начале девяностых что-то стало меняться после того, как в Шотландию приехал скульптор Эдуард Берсудский.

Дело в том, что у Берсудского не просто скульптуры, а скульптуры кинетические. Он не только создает образ, но рассказывает истории. Загорается свет, силой невидимого мотора начинается движение... Так в булгаковской «волшебной камере» фигурки оживают для представления и игры.

Вот хотя бы его шарманщик. Все как полагается: сапог отбивает ритм, звучит песня о разлуке, рядом вертится обезьянка. Правда, сам шарманщик какой-то не такой. Весь в щетине да еще с рогами, как фавн.

Шарманщик не только извлекает мелодию, но и запускает ту самую «вертушку роковых событий», о которой сказано в стихах Арсения Тарковского. Иначе почему он похож на лешего? Ясно, что это почти лесное существо обладает не только человеческими возможностями.

Называется работа «Автопортрет». Значит, Берсудский добровольно причислил себя к племени полулюдей-получертей. Наверное, художника не бывает без чего-то эдакого. Ведь он имеет дело не только с реальностью, но и с тем, что находится вне ее.

Опять, автор, спешешь? Ты ведь не упомянул, что понятие «кинетическая скульптура» Берсудский и его жена Татьяна Жаковская сократили до «кинематов». Это вроде как домашнее имя его произведений. Все равно что «Александр» и «Саша».

Что сказать прежде всего? Кинематы не ограничиваются чем-то одним. Ни позой, ни жестом, ни материалом. Обычно скульптуры создают из металла или дерева, а Берсудский творит из всего. В ход идут старая швейная машинка и патефон... Плюс еще сто предметов, которые давно не используются, но тут оказались незаменимы.

Кстати, в начале девяностых, когда Берсудский и Жаковская решились уехать, за столом у моей приятельницы шел такой разговор:

— Что им делать без старых патефонов, утюгов и вообще всего, что можно найти на наших помойках?

Помните стихи Ахматовой, в которых она спрашивает: «Когда бы вы знали, из какого сора...», а дальше перечисляет: «желтый одуванчик у забора», «лопухи и лебеда» — и по этим приметам сразу узнается Карельский перешеек? Так вот, на пластинке Анна Андреевна читает их не иронически, а торжественно. Словно речь о чем-то столь же значимом, как скипетр и держава.

Это я к тому, что, говоря об утюгах и прочем хламе, никто не ухмыльнулся. Все понимали важность и незаменимость этого строительного материала.

Собрание кинематов получило название «театр „Шарманка“». О его представлениях еще будет речь, а пока скажем о том, что Берсудский и Жаковская не признают окончательных формул. Им удобней сидеть между стульями и парить между небом и землей.

Так что, возможно, это не театр. Все же для спектакля требуется драматургия. Принадлежности к одному художественному миру явно недостаточно.

Тогда экспозиция? Нет, не получается. Выставочные объекты не зависят от публики, а здесь все начинается с того, что вы пришли. Тут фигурки оживают и вступают в игру.

Когда-то Лидия Гинзбург предложила термин «промежуточная литература». Так вот это — «промежуточное» изобразительное искусство. Его положение экстерриториально — не совсем театр, не совсем выставка и не совсем скульптура. Каждое из привычных понятий в этом случае уточняется.

Конечно, не Берсудский придумал «кинетику». Он только присоединился. Правда, прежде это была вотчина «беспредметников». Что-то колыхалось, крутилось, расцвечивалось, но историй никто не рассказывал.

Впрочем, что значит не рассказывал? Если говорится о том, что длится во времени и развернуто в пространстве, это тоже сюжет. Правда, здесь действуют не только прямые и кривые линии, но и вполне конкретные крысы и вороны. Или еще более конкретные Сталин и Гитлер.

Человек, приехавший из города Гоголя и Хармса, этот опыт привозит с собой. Оттого в его историях бессмыслицы больше, чем логики, а подробностей меньше, чем обобщений. Поверх всего звучит мотив,

главный для шарманки-инструмента и «Шарманки»-театра. Вновь и вновь повторяется, что и так будет не сто, не двести раз, а всегда.

Не потому ли был взят в спутники музыкальный ящик, что этот инструмент склонен к философичности? Другие спешат, не оборачиваясь, а этот вроде как сравнивает. Уйдет вперед и сразу вернется назад.

Попробуем и мы следовать за шарманкой. Повернем воображаемую ручку и окажемся даже не в начале нашего повествования, а в начале жизни Берсудского, в Ленинграде шестидесяти-семидесятих.